

ГЕРМЕНЕВТИКА УРАЛЬСКОГО ЛАНДШАФТА

<http://mmj.ru/index.php?id=192&article=840>

Межрегиональный социо-культурный семинар «Актуальная культура России: новая география и новая идентификация «Большого Отечества», организованный Екатеринбургским филиалом ГЦСИ, прошел в декабре в столице Урала одновременно с презентацией Трансроссийского художественного проекта «9 000 км». Предметом обсуждения стали новая культурная урбанистическая география страны и ее топологические сюжеты, которые рассматривались на примере современных способов осмысления городского пространства. Мы приводим отрывки из нескольких докладов, посвященных как осмыслению пространственности в общем, так и сегодняшней интерпретации уральского ландшафта.

Кропотов С.Л., доктор философских наук, профессор, ректор Екатеринбургской академии современного искусства

«Герменевтика уральского ландшафта»

Можно говорить о том, что сегодня гуманитарная наука переживает период интенсивного интереса к изучению пространства как социо-культурного образования. От старой культурной урбанистической географии новый подход отличается тем, что пространство трактуется как социальный продукт, как результат экономического и культурного производства, даже если это пространство кажется вполне натуральным. Но, тем не менее, это продукт, который производится и перепроизводится: на первые его слои могут накладываться какие-то новые. Проблема в том, что данное пространство скрывает условия своего формирования и маскируется под натуральное. И, сегодня нам кажется, что нет ничего более естественного, чем купол Храма на Крови в Екатеринбурге. На самом деле, любое вторжение в пространство связано с его культурными способами осмысления, в которых задействована не только экономическая реальность или желания элит и власти увековечить свои события, но и, безусловно, стратегии символической репрезентации регионального и национального воображения. Надо сказать, что в новой культурной географии очень серьезная компонента связана с изучением нематериальных активов города, которые можно выразить словами Дэвида Харви: «Город есть сплав фактов и воображения».

Сегодня места конкурируют, чтобы привлечь к себе внимание, доказать свою инвестиционную привлекательность. Выживают только те города, которым удается перепрофилировать свой облик, используя, прежде всего, собственное наследие, которое каждый раз переинтерпретируется. Конечно же, места себя позиционируют через связанность с определенными общероссийскими, мировыми, глобальными процессами. Важный для Екатеринбурга топологический сюжет — это произошедшие на Урале

трагические события с семьей Романовых. Сегодня они получают свое последующее развитие в практике мемориализации, и увековечивания той трагедии. Происходящее вокруг этого сюжета можно назвать сакрализацией ландшафта, а место гибели Романовых маркируется как место Русской Голгофы. Существует программа превращения левобережной части Екатеринбурга в своего рода священный заповедник: от Храма на Крови предлагается проложить маршрут покаянного пути, проходящего через музейные комплексы, и завершающегося у Собора Александра Невского. Любопытно, что идея покаянного пути, в структуру которого включен и музейный комплекс, возникла как некий общественный консенсус: поскольку правобережная часть трактуется исключительно как торговая. Поэтому если правая — торговая, то левая должна стать манифестацией символического капитала. Это важно, потому что большинству горожан исходя из опроса, осуществленного по заказу Комитета по товарному рынку, не хватает мест для гуляния, а не торговых площадей.

Можно говорить о том, что местные власти достаточно прозорливо и целенаправленно используют символический капитал давнего злодеяния для того, чтобы выделиться за его счет. Я хочу сказать, что данный сюжет действительно богом данный, но он должен быть осмыслен корректно и тактично. Без превращения Екатеринбурга в Русскую Голгофу, где могут быть запрещены другие художественные практики. Потому что, как мы догадываемся, на Голгофе не всякий карнавал оказывается уместным. Как бы художники, за счет такой голгофизации Екатеринбурга, не оказались куда-нибудь вытеснены.

Таким образом, если сакрализация это один из сюжетов, одна из дискурсивных практик, с помощью которой осуществляется освоение и интерпретация пространства, то мне кажется это приемлемо. Но если это будет вытеснять другие сюжеты, то тут возникает ряд проблем конкуренции дискурсов за осваиваемую территорию.

Генисаретский О.И. доктор искусствоведения, сотрудник Института философии РАН, руководитель Центра синергической антропологии ГУ (Москва).

«Анатопия: стратегия сознания «больших пространств» и топологическая идентичность личного опыта»

Неологизм анатопия был произведен мной от анаграмм, в лингвистике так называется способ выражения, описанный на примере ведических и древнеиндийских текстов. Произнесение имени Бога было табуировано, и оно в целом не произносилось, но фонетический состав этих имен как бы был рассыпан по тексту. Поэтому собирающий, синтезирующий слух позволяет

слышать это имя. Имени нет, но оно есть. Такое рассеянное присутствие всюду и везде.

Так вот анатопия своего рода топологическая анаграмма. Для меня она важна применительно к пониманию пространственности вообще, но в буквальном смысле слова более очевидна в качестве трансляции на территории Европы раннехристианского сакрального пространства, которое происходило из пустого места. Иерусалим был разрушен, но у кого-то остались воспоминания, когда и что совершалось. В определенный момент сохранившаяся малочисленная община стала путешествовать по местам и вспоминать историю. Так постепенно сложилась пешеходная топография. Затем по прошествии веков, на этих отмеченных местах стали возводить храмы и сооружения. Таким образом, возникла топография на месте разрушенного Иерусалима. Потом данная топография переносится в Константинополь, который размечается дорогами, перекрестками в соответствии с тем, как это было в воспоминаемом Иерусалиме. И более того затем данная топография сворачивается в третьего порядка пространство, которое присутствует в каждой точке, где стоит храм. И по идее в нем перед нами происходит презентация того пространства, которое в свернутом виде присутствует здесь и теперь.

Для меня это схема того, как вообще всякое пространство конституируется. В этой связи я не совсем понимаю, что такое война дискурсов. Воюют партии, конфессии, этносы, силы, которые осуществляют определенную политику. Это некоторым интеллектуалам из университетских аудиторий кажется, что если они владеют искусством рефлексии дискурсов, то они тоже участвуют в этой войне. Вопрос на самом деле гораздо серьезнее и интереснее в том смысле, что вторичные силы, задействованные в этом противодействии, не являются перебежчиками-журналистами, а они принадлежат тем, откуда происходит заказа на подобного рода сомнительную писанину.

Поэтому стратегия сознания больших пространств и позиционирования себя в них, несомненно, в качестве рамки имеет то, что обычно называется культурной политикой, я предпочитаю говорить о культурно-ценностной политике, или проектной культурой, связанной с соответствующими стратегиями. И мы постоянно находимся в плотных, напряженных, энергично насыщенных пространствах. Знаете как под огнем. И силы в нем, силовые линии, определяет траектория нашего движения. Поэтому важна здесь первичная рефлексия, которая возвышенным языком говоря, есть духовность самоопределения, позиционирование себя и локализация в этих самых пространствах, которые описываются культурно-ценностной политикой. Собственно так я себе и понимаю тему региональной символической идентичности.

Почему я говорю о топологической идентичности личного опыта, потому что переход от культурно стратегических самоопределений к собственным креативным манифестациям, самовыражению в том числе в творчестве, опосредован самообразом человека. Самообраз, являющийся навигационной структурой, определяет собственную траекторию движения в этих культурных пространствах. А работа с самообразами носит подчеркнута психо-практический характер. Мы всегда подразумеваем какой-то тип пространства, связанный с нашим собственным самообразом и с теми психо-практиками, которые мы способны в нем реализовать. А психологическая культура — это тот набор, тот репертуар состояний, доступных нашему проживанию, и переходов между ними, которое сохраняет качество свободы и сообразности, т.е. произвольности и не произвольности. Это реальность другого рода: не культурологическая в строгом смысле, не семиотическая — а свидетельствующая об уровне психо-практической развитости всех действующих лиц на сцене культуры, творчества, будь оно локализовано городским образом или каким-то другим. Мне непонятен этот пафос погружения себя в географию города, потому что если мы хоть на толику признаем, что глядим в постиндустриальную (постурбанистическую) эпоху, то ценности городского образа жизни, которые были отработаны в мегаполисах, в принципе стали сервисами всей современной цивилизации. И всякую городскую услугу можно получить в любой точке мира, в любом населенном пункте, на каждой станции или полустанке. Конечно, для этого нужны средства, но вам при наличии Интернета доставят все, что есть в мире. Это постурбанистический образ жизни, и поэтому локализация в городах и ландшафтах — это дань нашему провинциализму.

Пространство агонально, это пространство схватки. Жизнеспособность сообществ в этом пространстве означает возможность принять на себя и в том числе некоторых защитных и схваточных функций. И процесс происходит, и ничего дурного в этом нет. Наоборот это взывает к предельной честности и ясности к позиционированию себя в этом взаимодействии. И в том числе в реалистичности оценки своих интеллектуальных и художественных ресурсов.

Круглова Т.А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры УрГУ

«Культурная топология России: преемственность и разрывы в имперский, советский и постсоветский периоды»

Очень долго мы изучали духовную культуру, не интерпретируя ее через топологические характеристики. Иначе говоря, у искусства была история, но не было географии. В то время как жизнь любой страны очень важно представить как особую карту размещения и распространения культуры, как карту культурных мест.

В основании всех традиционных культур лежит топологема аграрного способа жизни. Условно говоря, если мы возьмем сельскую местность, то она абсолютно не нуждается в таких вещах, как памятники культуры, дома культуры, музеи культуры. Там культура не концентрируется в каких-то специальных местах. Как правило, память аграрного общества живет в ритуалах и сказаниях, а не в особых культурных объектах.

Городу же, наоборот, свойственно организованное по смежности пространство, рассекаемое и размеченное точками, специфическими местами культуры.

Моя гипотеза заключается в том, что традиционная российская топология культуры, та, которая сложилась до советского периода, имеет промежуточную форму между городским и сельским видом топологем. В ней преобладают процессы неравномерности рассеивания: в некоторых местах культура очень сильно концентрирована, но обязательно есть, условно говоря, не культурные пространства. Эти огромные разрывы переживаются не только экзистенциально, но и физически. Иначе говоря, в России до культурного места надо трудно и долго добираться. Концепт пути внедрен в способ существования культурных ценностей. В досоветский период самым гениальным социо-культурным изобретением, адекватным таким топологемам, был невероятно остроумный проект Товарищества передвижников, который очень точно ухватывает идею передвижения культуры.

В советскую эпоху тотального администрирования и дисциплинарного общества была создана карта культуры по аналогии с картой электрификации. На огромном пространстве России хоть и редко, но регулярно должны были гореть лампочки очагов культуры. Идеология поддерживалась административно и насаждала необходимость наличия в каждом местном центре хотя бы одного или нескольких культовых объектов: институтов культуры, театра, музея, памятника и т.д. И власть за этим довольно сильно следила. Например, это хорошо видно в практике перераспределения непомерно гигантских фондов классического, модернистского и авангардного наследия, которое скопилось в столицах, по провинциальным музеям. Таким образом в Ирбите появился «Музей графики 17-18 века», в котором за 30 лет была собрана уникальная, не имеющая аналогов в мире, коллекция графики. Элемент насильственного внедрения здесь оказался очень важен и совершенно необходим. Таким же насильственным путем в азиатских республиках были заведены театры оперы и балета.

В постсоветский же период единство карты культуры распалось, многие культурные объекты перестали быть значимыми. И сейчас, мне кажется, происходит возвращение на новом витке и оживление традиционных

топологием, связанных с мифологизацией места. И проект «9000 км» отчасти это показал. Работы художников не отсылают нас собственно к известным культурным объектам, каким-то значимым местам Красноярска или Владивостока. Новые художественные ценности вырастают на содержательном родстве человеческих позиций, которые образуют специфику этого региона. Региональная особенность теперь определяется не набором памятников, а некой человеческой средой, социальными и культурными мифами.

На мой взгляд, одним из удачных проектов последних 15 лет, который удерживает имидж уральской идентичности, является группа «Чайф». Они работают с человеческими позициями, которые образуют такую странную вещь, как уральский характер или уральская среда. Это действительно некое внутреннее родство, которое делает нас уральцами, в каком-то смысле даже независимо от того, расстреляли здесь царя или нет. Другой проект — это, конечно, драматургия театра Николая Коляды. Заметьте, и «Чайф», и Коляда никуда не уезжают, потому что совершенно понятно, что без них энергетика топологии уральской среды иссякнет.

Мне представляется сегодня перспективной именно работа с мифологизацией места через человеческий фактор, а не через практики исторических достопримечательностей, потому что советская стратегия здесь работать уже не может.

Редакция журнала ZAART - ZAART